

ному пепелищу // Красный Север. 1991. 23 апр.; Белков В. Новая книга Александра Грязева // Лит. Россия. 1993. 5 нояб.; Смолин А. Люди Божьи // Автограф. 2001. № 12; Сазонов Г. Не надо кричать о любви к России // Континент. 2003. № 5.

В. В. Дементьев

ГУБАНОВ Леонид Георгиевич [20.7.1946, Москва — 8.9.1983, Москва] — поэт, видный представитель андеграундной культуры 1960 — начала 1980-х.

Отец — инженер, мать служила в ОВИРе. После окончания средней школы Г., по мемуарным свидетельствам, в разное время работал пожарным в московских драматических театрах, грузчиком, сторожем... Первые публикации стихов — в газ. «Пионерская правда». Напечатанное в популярном многотиражном ж. «Юность» (1964. № 6) стих. в 12 строк девятиклассника Г. вызвало фельетонные и критические отповеди во всесоюзной прессе. Больше Г. на родине при жизни не печатали, хотя молодой поэт уже к 1964–65 был известен в московских лит. кругах.

По инициативе Г. зимой 1965 было организовано альтернативное официальным творческим союзам объединение молодых писателей и художников, получившее название СМОГ — аббревиатура от слов «смелость», «мысль», «образ», «глубина», или — эпатажный, самоироничный вариант — Самое Молодое Общество Гениев. «Мы новое кровообращение России», — утверждалось в манифесте, написанном Г. (Крохин Ю.— С. 103). Вслед за первым выступлением в библиотеке им. Фурманова 19 февр. 1965 последовали и многочисленные др. — на площади Маяковского, во дворе МГУ на улице Моховой, в иных московских вузах, в клубах, академических ин-тах, школах. Главным в шумных сборищах смогистов был протест против официального искусства, соцреализма, требования свободомыслия в духе заканчивающейся политической «оттепели». Новейшие историки искусства отмечают «во многом внелитературный характер всего смогистского феномена <...> СМОГ вскоре приобрел черты общественного движения» (Кулаков В.— С. 281). Выступления молодых бунтарей осуждались на страницах «Лит. газ.», «Комсомольской правды» и др. центральных изданий, их поведением и взглядами интересовался КГБ. По его требованию была проведена лит. экспертиза СМОГа — прослушивание его участников в ЦДЛ 22 янв. 1966, организованное СП. После этого их стали преследовать более ожесточенно. В ссылку —

за «тунеядство» — были отправлены секретарь СМОГа В. Батшев, художник Н. Недбайло. За диссидентскую деятельность была осуждена и В. Лашкова, «верный друг смогистов», — ее комнатка на Пречистенке служила им пристанищем» (Шохина В.). Существование СМОГа фактически закончилось, но подпольная творческая жизнь продолжалась — без публикаций в советской печати, вне лит. процесса как такового. Противопоставленность политическому режиму стала очевидностью, тем более что смогисты поддерживали связи с правозащитным движением. Высланный из СССР В. Тарсис, почетный член СМОГа, помогал печатать их стихи в зарубежных изданиях; В. Делоне (1947–83), участник демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в ЧССР, был другом Г. К нему Делоне обратился со стихами в 1965: «Наши песенки не допели мы — / Из Лефортова прохрипим» (Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 315). У Г. в свою очередь есть стих. «**Золотая фреска Вадиму Делоне**» со строками: «Нам подскажет пепел урны / В день Твой Светлый, / В день Твой Судный, / Кто любил, а кто рубил!» Карательной психиатрии смогисты подвергались наравне с активно действующими диссидентами. Неоднократно помещали в московскую психиатрическую больницу имени П. П. Кащенко и Г. Врачи находили у него психопатические черты личности, вялотекущую шизофрению. Из депрессивных состояний, периодически наступавших, Г. стремился выйти с помощью алкоголя, однако деградации личности по алкогольному типу, как считает лечивший его Л. Б. Дубницкий, не происходило (Крохин Ю.— С. 58). Свою роль играл буйный, взрывной нрав Г., жившего жизнью худож. богемы. Умер Г. от болезни сердца, в одиночестве, сидя за столом, что и предсказал в свои стихи: «И локонов дым безысходный, / И я за столом бездыханный...» Его обширное лит. наследие до сих пор не собрано, издано лишь частично, причем публикации стихов и писем разбросаны по многочисленным источникам: газетам, журналам, альманахам, антологиям, мемуарам друзей. Основной публикацией являются машинописные сб. стихов Г., подготовленные самим автором, им же распространявшиеся: «**Волчи ягоды**», «**Преклонив колени**», «**Иконостас**», «**Всадник во мгле**» и др. В «Повести о Леониде Губанове» Ю. Крохин сообщает о его машинописном сб. «**Профили на серебре**» объемом в 130 страниц с сохранившимися авторским предисловием. Первая книга стихов Г., изданная в послесо-

ветской России, «Ангел в снегу» (М., 1994, более 20 п. л., тираж 1000), составленная И. Дудинским, также недостаточно полно представила его творчество и подверглась критике в печати за однобокий подбор текстов (Крохин Ю.; Шохина В.). Гораздо полнее представлено обширное творчество Г. в книге «Я сослан к Музе на галеры...» (сост. И. С. Губанова. М., 2003).

Юношеские произведения Г. (1963–64) близки по своей эстетике новому легальному авангарду. Затем Г. пытается создать собственный поэтический мир. «Урбанизму Евтушенко–Вознесенского <...> противопоставляется есенински-бесшабашная Русь разгула и бунта» (Кулаков В.— С. 282). Г. увлекают прежде всего трагические эпохи русской истории, начиная с Ивана Грозного и кончая революцией 1917, Гражданской войной, «когда вовсю пылает Русь и Бог гостит в усадьбе Блока». Трагический сюжет отечественной истории Г. стремится прочувствовать через судьбы русских поэтов, как в стих. «Петербург»: «Мой день страданьем убаблен / И под чужую грусть разделан. / Я умилен, как Гумилев / За три минуты до расстрела». И далее следует богатое звукописание приближение своей судьбы к судьбе Цветаевой: «Марина! Ты меня морила, / Но я остался жив и цел. / А где твой белый офицер / С морозной молодой молитвы?» Исторические персонажи у юного Г. — Иван Грозный, Петр Первый, Пугачев, Пушкин — его лирические двойники. Вместе с тем фигуры деятелей прошлого, даже таких, как Иван Грозный и Пугачев, заблудившихся в истории, положившихся на стихию насилия и крови, нарисованы с сочувствием, оваяны своего рода героикой. Ведь они истово искали праведного пути для Руси, «сиротинки всей», хотели вывести ее из привычной беды и покорности к новым рубежам. Ближе всех к тайне национальной судьбы подошел Петр, строитель «дивного города» — «огнем горба и потом шей». Свой монолог он завершает горделиво: «На город смотрят, рот разинув, / И зависть, как щенок в груди. / А у меня, как у России — / Все впереди, все впереди!»

Как зрелый поэт, Г. в полной мере отвечает требованию, обращенному Б. Пастернаком к художнику: «Ты — вечности заложник / У времени в плену!» Почти отказавшись в своей лирике от социально-бытовой конкретности, Г. поселил себя в мифологизированном мире христианства, всечеловеческой истории и культуры. Личную судьбу свою Г. часто уподобляет судьбе Христа, называет себя новым пророком и апостолом. Герой его ли-

рики принес будто бы людям еще одно, «Пятое Евангелие», которое его современники «не поняли». «Евангелие живое я, / Даю себя пролистывать. / А вы — мои животные. / Меня же вы — освищать...» Или: «Венок из лавра будет мне к лицу, / Как красная рубашка злему кату. / Я дань несущу Небесному Отцу — / Свои стихи в серебряных окладах». Советское государство, в котором живет поэт, предстает у него в неожиданном ракурсе — как бы опрокинутым в давнюю русскую историю. Им по-прежнему правят «цари» и «князья»; как и несколько веков назад, в нем вершатся кровавые расправы. Но заветы христианства в совр. России пограны, «дети сатанинские ликуют». История застыла в своем течении: «царь-пушка на царь-колокол глязет». Обширные пространства Родины в поэзии Г. отсутствуют, его Русь центробежной силой власти стянута к Москве и ее Кремлю. Мн. стихи Г. — напряженный полемика, даже «дуэль с родиной». Так названа его программная лирическая поэма, посвященная «светлой памяти Юрия Галанскова», погибшего в политическом заключении в 1972. «И гудят колокола — кар... кар... / И причиники поют — скор... скор... / И откроют вам в Москве, здесь, бар. / Вы там будете хлебать кровь, кровь!» Лирический герой поэмы, решивший «стреляться с родиной», готов при этом на коленях, публично отмаливать грехи «своей России». «И во всех церквях прозвонят, / И закроют школы — молебен! / И стихи мои прозвенят, / А тебе дадут красный гребень». Спор с господствующим в отечестве режимом, деспотичным и беспощадным, «где хорошо лишь одному злодею», проходит через всю поэзию Г. «Там, где сотни лет подряд мысли на расстрел вели...», «Это родина тоски, / Плодородной лжи участок, / Где горячие виски / В ледяной наган стучатся». Автор книги о Г. цитирует его «самое горькое и страшное откровение» — из написанной в последний год жизни, еще не опубликованной «Поэмы конца»: «Вся в царапинах и ссадинах, / В присвистах и бубенцах, / Моя родина — ты гадина, / И стоишь на подлечах». «Такие вот болезненные и непростые отношения у поэта с родиной, точнее — безжалостной машиной тоталитаризма, которая перемалывала судьбы губановских друзей — да и его собственную...» (Крохин Ю.— С. 45). Свой же долг Г. видит в том, чтобы кричать об этом, пророчествовать о возмездии: «В старинный колокол ударю / От сердца, руки в кровь сотру. / Я, коченя, призываю / Россию к Страшному Суду!» Бунтарский стих, свой и единомышленников, Г.

сравнивает с «преступной листовкой, за которой костер или плаха!»

Протестуя против деспотизма, Г. равняет-ся на русских поэтов, жертв «железной державы», ведя отсчет с Пушкина и Лермонтова, коим поклонялся, упоминая «в кровавой майке Гумилева», погибшего в лагере Павла Флоренского. Жребий свой Г. вписывает в этот же жертвенный ряд: «Спрячу голову в два крыла, / Лебединую песнь докашляю, / Ты, поэзия, довела, / Донесла на руках до Кашенко». Как и у «священно любимого» им А. Галича, у Г. есть стихи **«На смерть Бориса Пастернака»**, затравленного, по убеждению автора, двуличными чиновниками от лит-ры. В число своих кумиров и учителей Г. включает также Цветаеву («Была бы жива Цветаева, / Пошел бы в ноги кланяться...»), в меньшей мере — О. Мандельштама («За Мандельштамом на коляске моя двоюродная тень»). И в первую очередь — Есенина, трагическую судьбу которого, даже его темперамент многократно примеряет на себя («Но заказал мне белые стихи / Стукач Есенина — человек черный»), вплоть до прямых цитат из него: «Вот так страна! Какого ж я рожна...» В области поэтического речестроя Г. во многом идет от «корябающей» образности Есенина и имажинистов: «А мне бы кепку набекрень, / А мне бы на ночь стог лохматый, / Чтоб утром встретить новый день / Визитной карточкою мата», «лизнуть твои руки, как будто лицо топора». В то же время в стихах Г. явно ощутимы следы поэтики футуристов — Маяковского, Игоря Северянина, использование их поведенческих жестов: «Сиреневый кафтан моих обид... / Мой финиш сломан, мой пароль убит. / И сам я на себя немного лгу — / Скрипач, транжир у поседевших губ». Звонкости слова, игре с его смыслами Г. учился у В. Хлебникова, напевности — у русского романа. Немало творческих переключек было у Г. с В. Высоцким, знаменательная встреча с которым произошла в психбольнице им. Кашенко, где тоже лечился знаменитый бард и актер. Как и Высоцкий-поэт, Г. был склонен к романтическим перевоплощениям, к облачению в разные сценические маски, в том числе юродивого вещателя скрытых истин — в духе русского скоморошества. Г. тоже хотел жить «у бездны на краю», его любимая тема — борьба святости и демонизма в собственной душе, их трагедийное совмещение: «Отвергаю рай, где проститутка-свеча. / Выбираю ад, где ангел в снегу!» Или христианский вариант, стилизованный под неистового Н. Клюева: «Сохраня и помилуй мя, Боже! / Сокруши сатану в моем серд-

це. / Неужели удел мне положен / Там, у печки, с антихристом греться?» Угнетающее положение непечатного, потаенного мастера диктовало еще один болезненный мотив: Г. уверял читателя и, наверное, прежде всего себя самого в том, что он гениальный поэт и его ждет после смерти повсеместное признание: «Я только знаю, поздно, рано ли, / Познав другую благодать, / Я буду бронзовый и мраморный / Под тихим солнышком стоять. / Другое время будет виться, / Другие люди говорить, / И поумневшая столица / Мои пророчества хвалить». К своей музе (**«Стихи к музе»**) Г. обращается как к страстной возлюбленной («Твои губы — то нектар, то сладкий яд по душе моей безумной разнесут»), как проявлению стихийных сил природы, многоликой в творческих воплощениях — отсюда разнокалиберный ряд метафорических уподоблений: «То птицей ночной, то голубкой, / То призраком страшным предстанешь»; «Ты — воздух! И Ты — моя брага. / Ты белая эта бумага». А следующую миниатюру можно вполне ставить в ряд с цветаевскими шедеврами на эту «вечную» тему: «Я создан для песни, / Как птица для воли. / Как камень для Пресни, / Как Гектор для Трои. / Как стрелы для лука, / Рапира — для боя. / Как эхо для слуха / И смерть для героя!» Парадоксальна любовная лирика Г. — тем, что по преимуществу это стихи «без повеления любви», об ее отсутствии или трагедии: «Но вот настала наша ночь. / Настала ночь, и ты не плачь. / Ничей... Ничья... Чем нам помочь? / Тем, что ты — жертва, я — палач». При всей пестроте лит. влияния поэтика Г. сложилась как целостное и оригинальное явление. Хотя возможна и такая неоднозначная оценка поэзии Г., высказанная Е. Евтушенко: «горный поток, несущий и мусор, и самородки» (Строфы века. С. 897).

Неравноценность стихотворного наследия Г. (он был еще и одаренным рисовальщиком) объясняется также тем, что, будучи непечатным поэтом, «он не всегда удаивался видеть разницу между черновиком и стихотворением» (Шохина В.), полагаясь на стихийную импровизационность своего таланта. К тому же Г. был явным авангардистом, стремившимся, как и некоторые его современники, к обновлению худож. зрения, пренебрегая нередко критериями доступности, логико-понятийной прочитываемости своей метафорики. Идея худож. своеволия, самоценности авторского сознания была заветной для Г., противопоставлявшего себя печатающимся советским поэтам, добиваясь того, чтобы даже в языковом выражении «рукопись стала свободной».

Отсюда установка Г. на образную парадоксальность, на смысловой сдвиг, допускающий алогизм как осознанный прием. Иллюстрацией может быть стих., состоящее из трех катренов, два из которых можно посчитать «заумными». Таково начало: «Моя свеча, но как тебе горится? / Вязанье пса на исповедь костей. / Пусть кровь подскажет, где моя граница. / Пусть кровь подскажет, где моя постель». Вторая строфа, несмотря на перебор образной орнаментальности, более вразумительна. Последняя же вновь возвращает читателя к неким «отраженным», лишь намекающим на смыслы значениям: «В саду прохладно, как в библиотеке. / В библиотеке сладко, как в саду... / И кодеин расплатится в аптеке, / Как Троцкий в восемнадцатом году». Один из распространенных композиционных ходов в лирике Г.— прихотливое выстраивание образных цепочек, когда связи между параллельными рядами весьма приблизительны, а также многократное повторение найденных метафор. В популярном среди смогистов стих. **«Я беру кривоногое лето коня...»** помимо первой строки, окольцовывающей целое, повторяются и др. «ударные» образы: «серый конь моих глаз» (четырежды) и «белый пруд твоих рук» (дважды). К недостаткам стихов Г. можно отнести длинноты некоторых его лирических излияний, излишнюю цитатность текстов. Так, стих. **«Задыхаюсь рыдающим небом...»** — один из заметных манифестов «потрепанного поколения» — содержит внятные, весомые декларации: «Мы повержены, но не повешены. / Мы придушены, но не потушены. / И словами мы светимся теми же, / Что на белых хоругвях разбужены». В то же время в этой страстной исповеди погибающего на дне «Москвы кабацкой» человека многовато отсылок к культурным источникам, а заканчивается она слегка переиначенной цитатой из А. Ахматовой: «Задыхаясь рыдающим небом, / О себе я уже не заплачу!» Однако «уникальная талантливость» (Е. Евтушенко), «лирическая отвага» (М. Айзенберг) Г. делают его поэзию несомненным феноменом русского стиха XX в.

Соч.: Стихи // День поэзии. М., 1984; Стихи // Волга. 1990. № 6; [Стихи] // Поэзия: альм. М., 1990. № 55; Стихи разных лет. Письма // Дар. 1992. № 1; Волчьи ягоды: стихи // Знамя. 1993. № 4; Из книги «Иконостас»: стихи // Юность. 1994. № 2; Ангел в снегу: стихи. М., 1994; Стихи // Строфы века: антология русской поэзии. Минск; М., 1995; Малая антология СМОГа. Леонид Губанов: стихи // Новое лит. обозрение. 1996. № 20; «Я сослан к Музе на галеры...» М., 2003.

Лит.: Мартынов И. Я ведь тоже когда-то жил... // Собеседник. 1989. № 10. Март; Седакова О. О погибшем лит. поколении — памяти Лени Губанова // Волга. 1990. № 6; Крохин Ю. Профили на серебре: повесть о Леониде Губанове. М., 1992; Шохина В. Дети победителей: К 30-летию СМОГа // Независимая газ. 1995. 14 апр; Ширялин А. Я на рассвете жуткого письма: О поэте Л. Губанове // Наука и религия. 1995. № 7; Борисов А. Леня, Ленечка Губанов, российский Рембо // Лит. газ. 1996. № 50. 11 дек.; Кулаков В. СМОГ: взгляд из 1996 года // Новое лит. обозрение. 1996. № 20; Шмелькова Н. Знаю я, что меня берегут на потом...: К 50-летию со дня рождения Леонида Губанова (1946–83) // Новое лит. обозрение. 1996. № 20; Дардыкина Н. Уставший вопрошать и бастовать. Леонид Губанов: рассказ о поэте // Московский комсомолец. 1997, 28 марта; Климонтович Н. Ленечка: О Леониде Губанове // Дружба народов. 1998. № 5; Кублановский Ю. На свету и в темнотах лирической самобытности // Новый мир. 2004. № 1; Ермакова А. Неидеальные тексты // Знамя. 2004. № 2; Бондаренко В. В рубриках великих слов: Леонид Губанов, варвар русской поэзии // Независимая газ. 2004. 18 марта; Алейников А. Голос и свет, или СМОГ — самое молодое общество гениев. М., 2004.

Ю. П. Иванов

ГУДЗЕНКО Семен Петрович [5.3.1922, Киев — 12.2.1953, Москва] — поэт.

Родился в семье инженера-строителя, в 1939–41 учился в Московском историко-философском и лит. ин-те, в июле 1941 ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях под

С. П. Гудзенко